

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ*

МАРИНА КРЫНЖИНА

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Вызовы, с которыми сталкивается Россия в условиях обострения отношений с Западом, приводят к необходимости поиска новых способов ослабления разногласий. В этом контексте широкое обсуждение получили возможности научной дипломатии. Наибольшее распространение в среде западных исследователей и практиков получило определение, выделяющее три измерения этого феномена: наука в дипломатии, дипломатия для науки, наука для дипломатии. Несмотря на то что термин «научная дипломатия» фигурирует в российской Стратегии научно-технологического развития 2016 г. и часто употребляется в СМИ, среди отечественных учёных и дипломатов до сих пор нет единого мнения по поводу того, что он должен включать. Сохраняются также различия в представлениях о целях и средствах этого рода деятельности, его отличиях от международного научно-технического сотрудничества и внешней политики, а также относительно практик, в которых она воплощается. В статье представлены итоги серии полуструктурированных интервью с российскими экспертами, участвующими в выстраивании международного сотрудничества в сфере науки, а потому вовлечёнными в проведение научной дипломатии. Респонденты, среди которых — сотрудники Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований, отвечающие за международное сотрудничество, сотрудники МГИМО и Дипломатической академии, а также исследователи-международники, — представили своё понимание «научной дипломатии», а также проанализировали задачи, методы и целесообразность выделения трёх её измерений. В ходе интервью обсуждались инструменты этой деятельности, вопросы оценки эффективности их использования. Кроме того, предметом анализа выступало соотношение научной дипломатии и научной политики. Наибольший интерес для данного исследования представляли вопросы, касающиеся конкретных примеров и практик, характеризующих с точки зрения интервьюируемых каждое измерение научной дипломатии в отдельности. По итогам проведённой работы автор приходит к выводу, что третье измерение научной дипломатии — наука для дипломатии — обладает для российских экспертов наибольшей практической ценностью в контексте взаимодействия и взаимовлияния учёных и дипломатов в контексте международного сотрудничества.

Ключевые слова:

научная дипломатия; научная политика; международные научно-технические связи; российская внешняя политика; научные фонды.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10123.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2018

Дата принятия к публикации: 15.10.2018

Для связи с автором / *Corresponding author:*

Email: marine.romanoff@gmail.com

Наука, как и другие явления, подвержена влиянию новых тенденций и модных веяний. Дискуссии вокруг понятия «научная дипломатия», которые развернулись в исследовательских и политических кругах в последнее время, дают тому наглядный пример. Сам термин существовал и активно употреблялся в XX веке, особенно во времена «холодной войны». Однако его широкое использование в научных и журналистских публикациях в настоящее время отражает конфликтное состояние международной среды.

О важности научной дипломатии как средстве решения международных проблем стали активно говорить представители государственной власти, отвечающие за выработку политического курса, и непосредственно представители академической среды [Романова 2018]. Это понятие заняло центральное место в повестке дипломатических встреч. Идейными вдохновителями многочисленных круглых столов и конференций, посвящённых научной дипломатии, стали американцы. Это неудивительно, так как именно США обладают крупнейшим исследовательским потенциалом: тратят огромные средства на науку, сформировали успешную систему подготовки научных кадров, а также активно способствуют миграции лучших специалистов из других стран. Последних привлекает возможность работать в стране с передовой технической базой [Коннов, Балышев 2012]. В результате первоначально научная дипломатия была призвана решить проблемы внешней политики США [Krige 2006]. Только позднее это понятие стало ассоциироваться в кругах европейских исследователей со способами решения международных проблем многостороннего характера.

Если в западных странах (например, в США¹ и Франции [Романова 2015]) ценность научной дипломатии начала признаваться уже в прошлом десятилетии, то в России интерес к изучению и всестороннему развитию этого направления между-

народной деятельности стал проявляться позже. Новые вызовы, с которыми приходится сталкиваться российским дипломатам, приводят к необходимости поиска и новых инструментов, позволяющих преодолеть существующие между Россией и западными странами разногласия.

Несмотря на то что сам термин «научная дипломатия» стал популярным, в кругах отечественных исследователей и политиков до сих пор нет единого мнения по поводу содержательных границ этого понятия, целей и средств деятельности, которую оно описывает.

1

Существует множество подходов к осмыслению научной дипломатии, на которые в различных обстоятельствах опираются эксперты. Однако наибольшее распространение среди и западных, и отечественных исследователей (о чём свидетельствуют многочисленные публикации в рецензируемых научных журналах и научно-популярной периодике) приобрело определение, выработанное в 2010 г. совместно Лондонским королевским обществом и Американской ассоциацией содействия развитию науки (AAAS) [Ruffini 2017]. В соответствии с ним научная дипломатия включает в себя три измерения:

- наука в дипломатии – выработка рекомендаций для достижения целей внешней политики;

- дипломатия для науки – упрощение процесса международного научного сотрудничества;

- наука для дипломатии – использование научных альянсов в целях улучшения отношений между странами.

Таким образом, понятие «научная дипломатия» вобрало в себя всю кооперативную деятельность в сфере науки и политики, которая ещё ранее относилась к категориям «мягкой силы» и «умной силы» [Най 2014]. Последняя, правда, может иметь лишь косвенное отношение к научной ди-

¹ *Flatten K. Amy. Obama's Focus on Science for Diplomacy: A "New Beginning" for U.S. Science Too?* URL: <https://www.aps.org/policy/analysis/diplomacy.cfm> (accessed 24.03.2018).

пломатии, так как провозглашает сочетание мягких (создание партнёрских альянсов и союзов) и жёстких методов в целях расширения американского влияния и легитимности. Достижение «глобального общественного блага», которое Джозеф С. Най называет целью «умной силы», выступает лишь красочной формулировкой, прикрывающей истинное назначение нового концепта — «разработку комплексной стратегии, ресурсной базы и инструментария, чтобы достичь американские цели, опираясь как на жёсткую, так и на мягкую силу» [Armitage, Nye 2007]. Причём под жёсткой силой подразумевается использование военных средств, агрессии и насилия, что вовсе не согласуется с идеей, закладывавшейся в основу научной дипломатии после Второй мировой войны Пагуошским движением учёных [Юдин 2015].

Благодаря широкому распространению предложенной концепции научной дипломатии, в российской дискуссии практически отсутствуют самостоятельные теоретические исследования, посвящённые рассмотрению данного феномена. Отечественные специалисты ограничиваются дебатами вокруг состоятельности западной концепции [Киселёв, Нечаева 2017]. В то же время не уделяется достаточного внимания осмыслению того, как сами участники и особенно организаторы международного сотрудничества в сфере науки понимают феномен научной дипломатии. От особенностей их рефлексии во многом зависит содержательное наполнение соответствующей деятельности.

Настоящее исследование призвано заполнить эту лакуну. Чтобы сформировать первичное представление об актуальном состоянии научной дипломатии в России и выявить ключевые практики, связанные с ней, респонденты были опрошены с опорой на метод полуструктурированного (сфокусированного) интервью. Дополнительно использовались рекомендации, связанные с методом «когнитивного интервьюирования» [Willis 2005].

Респондентам предлагалось дать определение научной дипломатии, а также проана-

лизировать цель и методы каждого из трёх выделяемых западными исследователями измерений этого феномена. Интервью были призваны выявить оценки эффективности применения инструментов, практик и конкретных примеров, характеризующих науку в дипломатии, дипломатию для науки и науку для дипломатии. Поскольку метод полуструктурированного интервью предполагает использование не только закрытых, но и открытых вопросов, то беседа с экспертами варьировалась в зависимости от профессионального рода их деятельности. Интерес для исследования представляли не только исторические примеры, но и личные представления респондентов, а также актуальные кейсы, отражающие последние тенденции.

Учитывая значение, придаваемое развитию научной дипломатии в Стратегии научно-технологического развития России, экспертам было предложено изложить своё представление о том, какую роль научная дипломатия играет в рамках государственной политики. Их позиция по данному вопросу представляется тем более важной, что многие представители внешнеполитического ведомства не признают научную дипломатию как отдельное направление, требующее развития. Они полагают, что представлением государственных интересов должны заниматься не учёные, а эксперты в области международных отношений, сотрудники МИД России [Романова 2018].

В круг опрошенных специалистов вошли функционеры Российского научного фонда (РНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), отвечающие за международное сотрудничество, сотрудники образовательных учреждений, относящихся к системе МИД России (МГИМО и Дипломатической академии), а также специалисты-международники, непосредственно вовлечённые в международные экспертные связи. С учётом того, что все респонденты вносят вклад в развитие международного научно-технического сотрудничества, они выступают полными участниками российскими участниками научной дипломатии. При этом в статье не делается попытки синтезировать единое

представление отечественного исследовательского сообщества о научной дипломатии. Изучение позиции учёных в области естественных наук выходит за рамки поставленной задачи и может стать предметом отдельных разработок.

2

Представленное выше определение научной дипломатии, включающее в себя три измерения этого феномена, среди российских специалистов признаётся далеко не всегда [Романова 2017]. В частности, один из участников опроса, начальник информационно-аналитического отдела РФФИ Александр Николаевич Шаров, указывал в ходе интервью, что научная дипломатия — это использование исследовательского потенциала страны для решения тех или иных актуальных вопросов международной повестки дня, глобальных проблем современности, разногласий в двусторонних отношениях.

По мнению эксперта, выделение британскими и американскими исследовательскими ассоциациями трёх измерений этого феномена осуществлялось произвольно, а сами они неравноценны. А.Н. Шаров считает, что «самым главным элементом в этой триаде является наука для дипломатии». Согласно этой точке зрения, последняя может иметь несколько воплощений. *Во-первых*, под неё подпадают усилия отдельных исследователей, которые ставят перед собой задачи, связанные с решением дипломатических проблем, либо помогают выработать правильную стратегию поведения своими советами и консультациями. В таких частных случаях учёных привлекают в качестве экспертов для решения тех или иных вопросов [Naas 1992].

Участие исследователей в таком формате обусловлено историческими предпосылками: дипломаты при всей своей подготовке не могли быть экспертами, обладающими знаниями обо всех тонкостях международных и даже двусторонних отношений. При подготовке дипломатических кадров в России традиционно в первую очередь уделяли внимание высокому уровню владения

иностранными языками и глубокому знанию специфики региона [Байков, Пичков 2016]. Этот уклон актуален до сих пор. К примеру, для урегулирования сирийского конфликта сотрудники МИДа привлекают исследователей, специализирующихся именно на изучении Ближнего Востока. Научный руководитель Института востоковедения РАН академик Виталий Наумкин и группа его коллег были вовлечены в подготовку рекомендаций, в которых детально разъяснялись существующие региональные проблемы, а также предлагались пути их решения с учётом этнических, исторических и конфессиональных особенностей [Наумкин 2009]. Это наиболее типичный пример привлечения учёных-страноведов для решения международных проблем, а также для выработки внешнеполитического курса.

Речь идёт об участии специалистов-международников в выстраивании дипломатических отношений — такое видение научной дипломатии представляется логичным и обоснованным, с точки зрения А.Н. Шарова. Ошибочно было бы относить этот пример к категории «науки в дипломатии», так как речь идёт не об исследовательских разработках в контексте формирования научной политики.

Между тем в эпоху научно-технической революции появляются новые проблемы глобального масштаба, такие как экология, климат, новые источники энергии, проблема голода и многие другие. Миграция также становится одним из наиболее опасных вызовов XXI века. Выработка подходов к решению вышеназванных проблем не ограничивается только знанием языков, специфики регионов и этноса. Она охватывает различные сферы жизни и требует междисциплинарности, что предполагает вовлечение специалистов из разных областей. Выработка научно обоснованной стратегии усилиями групп исследователей с целью ответа на эти противоречивые и сложные вызовы как раз относится к ведению науки в дипломатии.

Например, тропические циклоны, бушующие в Карибском море, некоторые учёные связывают с космическими изме-

нениями [Астафьева, Раев 2010]. Анализировать причины образования ураганов могут только специалисты. Дипломаты призваны в данных ситуациях договариваться о коллективной помощи, если это происходит в странах, не способных самостоятельно ликвидировать последствия стихийных бедствий, а также оказать всестороннюю поддержку исследователям для поиска скорейшего решения международной проблемы². Например, Великобритания и Франция договорились, что будут работать вместе над преодолением разрушений, вызванных сильнейшим ураганом «Ирма», который в сентябре 2017 г. обрушился на острова Карибского моря, включая британские заморские территории и заморские департаменты Франции³.

Одним из наиболее ярких примеров «науки для дипломатии», по мнению А.Н. Шарова, выступает проблема разоружения. В контексте этого сложного для мирового сообщества вопроса дипломаты остаются основными игроками: именно они подготавливают документы, которые подписывают главы внешнеполитических ведомств и главы государств. Однако техническая сторона вопроса — определение конкретных норм режима контроля за ракетами и распространением ракетных технологий, выработка международных режимов по нераспространению химического и биологического оружия — прерогатива учёных. Проблема ядерного разоружения глобальна и затрагивает интересы всех стран мира. Коллаборации исследователей в этой сфере вносят вклад не только в развитие, распространение и сохранение научного знания, но и в поддержание мира и международной безопасности, что само по себе выходит за рамки науки в дипломатии.

Ещё один респондент, директор Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ Александр Владимирович Балышев, в свою очередь, приводит такой пример науки для дипломатии: «В 2016 г. к нам обратился атташе по науке Франции с просьбой проанализировать данные по российско-французскому сотрудничеству. Мы привлекли наш Наукометрический центр⁴. Коллеги по двум основным базам — Web of Science и Scopus — смотрели, какие публикации при соавторстве российских и французских учёных вышли за последние 15–20 лет, какие это области науки, тематики, каковы основные механизмы поддержки исследований, по результатам которых вышли работы... Наукометрическими методами мы выявили наиболее эффективные механизмы сотрудничества и наиболее эффективные инструменты развития сотрудничества между Россией и Францией».

Подготовленный сотрудниками центра отчёт французские дипломаты использовали для решения двух задач. Первая — оценить те направления, по которым у России и Франции уже есть налаженные связи, чтобы развивать их в дальнейшем. Вторая — оценить те финансовые инструменты, которые использовались для реализации такого сотрудничества. Соответственно, те программы, которые дали наибольшие результаты, были рекомендованы для дальнейшей поддержки.

Данный пример представляет исключительный интерес, потому что отражает не только приложение науки для дипломатии — измерение, которое усматривает в этом кейсе эксперт. Оно также затрагивает два других аспекта научной дипломатии. Дипломатию для науки — в возможности укрепить и упростить механизмы взаимо-

² Участие дипломатов в таком контексте является также примером второго измерения научной дипломатии — «дипломатии для науки».

³ Великобритания выделила более \$40 млн на ликвидацию последствий урагана «Ирма». URL: <http://tass.ru/obschestvo/4544271> (дата обращения: 17.04.2018).

⁴ Наукометрический центр НИУ ВШЭ занимается мониторингом и анализом публикационной активности подразделений и сотрудников НИУ ВШЭ, обеспечивает аналитическое сопровождение деятельности академического блока и руководства НИУ ВШЭ в части прикладной наукометрии, проводит обучение и консультирование по практическим вопросам research evaluation и использования наукометрии в управлении наукой.

действия исследователей России и Франции посредством развития зарекомендовавших себя инструментов. И науку в дипломатии — в части выработки рекомендаций экспертами Научометрического центра в рамках выработки внешней политики.

Приведённый пример показателен ещё и в качестве успешной модели развития научной дипломатии в рамках стратегии «сверху вниз», когда инициатива исходит от представителей органов власти. Однако это не единственный путь. Начальник Управления программ и проектов Российского научного фонда Андрей Николаевич Блинов подчёркивает, что развивать научную дипломатию можно и в обратном направлении, «снизу вверх», и также добиваться результатов.

А.В. Балышев солидарен с этой точкой зрения, приводя в качестве негативного примера историю создания Инновационного центра «Сколково» по примеру понравившейся российским политикам модели Массачусетского технологического института (MIT): «Тут (прим. — создание центра) пошло наоборот сверху, а поскольку пошло сверху, а не снизу, то строительство продолжается до сих пор. Поэтому приоритет, мне кажется, должен быть снизу. Снизу должно быть сотрудничество или какие-то наработки, которым бы чего-то не хватало. И уже на этом уровне может вмешиваться правительство. Политики и советники должны эти наработки искать, заключать соглашения с учёными, и тогда инициативы будут успешно развиваться».

Вместе с тем стратегическое планирование предполагает, что государство для выстраивания успешной научной политики обязано собирать информацию и определённым способом её препарировать, выделяя первоочередные задачи [Дежина 2006]. В рамках такого планирования, осуществляемого в тесном взаимодействии с учёными, проводятся фокус-группы, цель которых заключается в грамотном расставлении исследовательских приоритетов, в том

числе путём выработки условий финансирования проектов в сфере образования и науки таким образом, чтобы исследователи занимались решением наиболее остро стоящих перед государством вопросов [Петровский и др. 2010]. Вектор, заданный государством, определяет основные источники инвестиций в научные исследования, а потому у учёных нет другого выхода, кроме как последовать за выбранным политическим курсом, поскольку современные научно-технологические разработки требуют больших вложений. И только государство может их обеспечить.

Стратегическое планирование государства в области исследовательской политики имеет прямое отношение к научной дипломатии. Их невозможно разделить, так как по своему определению дипломатия — это деятельность глав государств, правительств и внешнеполитических ведомств. Не дипломатия определяет внешнюю политику, а наоборот. По этой логике научную дипломатию — как средство — определяет научная политика. То, в какой степени научная дипломатия зависит от, соотносится с или подчиняется научной политике — открытый вопрос. Размышления о методах реализации успешных практик научной дипломатии, к какому бы из трёх измерений они ни относились, важны и актуальны, поскольку в настоящее время не существует единого подхода к пониманию инструментов научной дипломатии и их использованию.

«Я думаю, что *bottom-up* и *top-down*: оба вектора должны присутствовать (прим. — в научной дипломатии), но всё-таки главное — это государственная политика и стратегия. Однако стратегия должна развиваться не потому, что бюрократически в каком-то министерстве решили, что нужно идти по таким-то направлениям, а остальные не важны. Государство должно вырабатывать стратегию в сотрудничестве с учёными, применяя современные методы стратегического прогнозирования и планирования. Форсайт⁵

⁵ Форсайт — система методов экспертной оценки стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития, выявления технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику и общество в средне- и долгосрочной перспективе.

тот же самый», — полагает проректор по магистерским и международным программам МГИМО Андрей Анатольевич Байков.

Рассматривая научную дипломатию как одну из практик, способствующих устойчивости международных взаимоотношений, А.А. Байков разделяет позицию американского профессора Пола Беркмана, считающего наиболее важным развитие именно третьего измерения — науки для дипломатии. П. Беркман выступает одним из организаторов диалога между НАТО и Россией по экологической безопасности в Арктике. В своих выступлениях он настаивает на том, что именно наука может обеспечить сотрудничество, стабильность и поддержание низкого уровня напряжённости в отдельных регионах и на международной арене в целом [Berkman 2014].

Научная дипломатия включает в себя общение между учёными, которым, в свою очередь, помогает государство, создавая подходящие институциональные и финансовые условия. По мнению П. Беркмана, в словосочетании «научная дипломатия» акцент необходимо делать на первом слове. Наука призвана мобилизовать силы международного сообщества, чтобы решать проблемы, в которых только она может помочь. Эта её функция связана с междисциплинарными глобальными проблемами голода, бедности, экологии, которые упоминались выше.

Научная дипломатия — это, в первую очередь, дипломатия учёных, но государство, стремящееся опираться на них для решения стоящих перед ним самим проблем, помогает наладить взаимодействие, поддерживать его и прийти к конкретным результатам. «В научной дипломатии сильна не только научная, но и политическая составляющая — политическая повестка дня», — считает А.А. Байков.

«Основа научной дипломатии заключается в том, что у двух стран есть общий интерес и налицо комплементарность научных школ. Они определили для себя проблему. Например, каким образом Россия и США могут решить проблему утилизации радиоактивных отходов, связанных с про-

изводством ядерного оружия? Эта проблема имеет серьёзную научную составляющую, потому что без соответствующих технологий нельзя добиться того, чтобы эта утилизация происходила безопасно для окружающей среды. Есть учёные, которые обладают реальными компетенциями по этому вопросу, и политики, которые помогают этим учёным начать работать друг с другом поверх границ. Сделать так, чтобы им эти границы не мешали, а, наоборот, чтобы это стало фактором сближения и улучшения отношений», — приводит пример проректор МГИМО.

Ведущую роль во взаимодействии учёных и власти играют научные объединения — лаборатории, центры и фонды. Именно они помогают исследователям взаимодействовать между собой, создавать коллаборации, обмениваться опытом и знаниями с зарубежными коллегами в рамках совместных международных проектов, а в дальнейшем и влиять на проводимую научную политику и дипломатические отношения. В качестве субъектов научной дипломатии всё чаще и гораздо успешнее выступают не персонально отдельные учёные, а именно научные организации — академии наук и научные фонды, которые предоставляют грантовую поддержку исследованиям, направленным на решение тех или иных международных проблем, предусматривающих проведение многосторонних переговоров с привлечением представителей из разных стран [Блинов, Талагаева 2014].

Директор Центра востоковедных исследований, международных отношений и публичной дипломатии Владимир Алексеевич Аватков высказывает иную точку зрения. По его мнению, ключевых участников научной дипломатии следует подразделять на две категории: учёных, которые выступают на конференциях и международных мероприятиях, и государственных деятелей — дипломатов и политиков. «Дипломатия — это про влияние, с моей точки зрения. Если это про влияние, то тогда научная дипломатия, в первую очередь, — это попытка повлиять через знание (если мы говорим о гуманитарных науках,

а не технических) на формирование определённого взгляда <...>. Встречаясь со своими коллегами-тюркологами, я всегда пытаюсь продвигать свои патриотические взгляды, но делается это не системно и исходя из личных контактов, которые у меня есть. Мы изначально находимся в ловушке отсутствия целеполагания, отсутствия желания со стороны учёных этим заниматься и желания наших коллег это слушать. Научная дипломатия должна быть тогда, когда есть модераторы каких-то дискуссий, которые действительно хотят услышать разные точки зрения коллег из разных стран мира для принятия согласованного решения. Сами учёные не принимают решения», — подчёркивает В.А. Аватков.

Научная дипломатия — это не только ретрансляция частной точки зрения учёного или группы исследователей, это в первую очередь донесение государственной точки зрения. В этой связи, полагает эксперт, в контексте естественно-научного знания, а также исторических и научно-технических дисциплин научная дипломатия представляется менее реалистичной, так как представители негуманитарного знания зачастую замкнуты, не склонны к популяризаторской деятельности, а потому не могут осуществлять активную работу в сфере научной дипломатии.

Наука исследует логические модели, экспериментальные и математические конструкты. Язык, который исследователи применяют для их описания, зачастую хоть и не чисто математический, но крайне формализованный. К примеру, читатель, не имеющий университетского образования по математике или физике, никогда не поймёт описание кристалла, которое даёт физиками. В связи с этим именно исследователи-международники скорее способны выступать в качестве связующего звена между дипломатами разных стран: влиять на выработку и принятие государ-

ственными деятелями наиболее верных решений.

В качестве примера подобного влияния В.А. Аватков приводит проект Фонда Горчакова, на платформе которого российские специалисты-международники встречались с коллегами из Грузии⁶. Общение осуществлялось не только между исследователями. Отечественные политики проводили встречи на территории Грузии, а грузинские политики приезжали в Россию для участия в переговорах. Формат экспертного диалога активно задействовался в период ухудшения взаимоотношений между странами, а взаимные усилия политологов двух стран привели к смягчению климата и относительной нормализации контактов между Россией и Грузией. Исследователи общались не только на научные темы, а дискуссии проходили в напряжённой обстановке. Однако этот проект дал практический результат и способствовал улучшению отношений между Россией и Грузией.

В результате при содействии Фонда Горчакова и Института международных отношений Тбилиси был учреждён Российско-Грузинский общественный центр — рабочее пространство, дающее возможность бесплатно изучать русский язык, принимать участие во встречах экспертов и общественных представителей, включаться в обсуждение важных вопросов отношений двух стран, получать информацию из первоисточников⁷. Несмотря на разницу в подходах к определению ключевых участников научной дипломатии, этот пример иллюстрирует, что фонды входят в их число, так как часть их деятельности почти всегда направлена на выстраивание международного сотрудничества, что способствует улучшению взаимоотношений между странами [Блинов, Коннов 2017].

В этой связи в мае 2018 г. в Москве РФФИ совместно с Национальным исследовательским фондом Республики Корея

⁶ «Российско-грузинский диалог» в Санкт-Петербурге: как это было. URL: <https://www.gorchakovfund.ru/news/view/rossiysko-gruzinskiy-dialog-v-sankt-peterburge-kak-eto-bylo/> (дата обращения: 11.02.2018).

⁷ Грузино-Российский центр. URL: <https://gorchakovfund.ru/georgia/> (дата обращения: 27.05.2018).

при участии около 160 представителей научных фондов из 60 стран мира провёл саммит Глобального исследовательского совета (Global Research Council – GRC), посвящённый научной дипломатии и, в частности, особой роли организаций, поддерживающих научные исследования⁸. В рамках мероприятия представители фондов попробовали охарактеризовать основные особенности и задачи научной дипломатии и как закономерного процесса, вырастающего из расширяющегося сотрудничества между учёными, и как новой предметной области исследований. По итогам саммита было решено сформировать рабочую группу, нацеленную на определение подходов к развитию научной дипломатии в качестве новой исследовательской дисциплины.

Грантовая политика национальных фондов, входящих в состав Глобального исследовательского совета, финансовые ресурсы, которыми они обладают, и активная практическая деятельность на базе двустороннего и многостороннего сотрудничества – неотъемлемая часть научной дипломатии. В рамках форума была организована специальная сессия «Соседи по исследованиям», в ходе которой участники отметили ту роль, которую играет Россия в развитии «мегасайенс»⁹. По мнению А.В. Балышева, строительство установок класса «мегасайенс» соответствует второму измерению научной дипломатии (дипломатия для науки), поскольку координация работы по формированию Программы создания и развития сети уникальных науч-

ных установок в России и отбор предложений по участию в зарубежных проектах осуществляется сформированной Министерством высшего образования и науки межведомственной рабочей группой по развитию исследовательской инфраструктуры Российской Федерации (МРГ). В её состав кроме исследователей входят представители заинтересованных федеральных органов исполнительной власти¹⁰.

Ярким примером значения объектов «мегасайенс» для научной дипломатии выступает проект строительства установки NICA на базе Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) – международной межправительственной организации, представляющей собой всемирно известный научный центр, расположенный на территории Российской Федерации. Весьма показателен его лозунг – «наука сближает народы». NICA – это новый ускорительный комплекс, создаваемый в наукограде Дубна в Московской области с целью изучения свойств плотной барионной материи. После того как коллайдер будет запущен в 2020 году, учёные смогут воссоздать в лабораторных условиях состояние вещества, в котором пребывала наша Вселенная первые мгновения после Большого взрыва, кварк-глюонную плазму (КГП)¹¹.

Если национальные научные фонды стремятся вносить вклад в развитие научной дипломатии, взаимодействуя с иностранными партнёрами, то научно-исследовательская организация ОИЯИ сама по себе

⁸ *Беляева С.* В атмосфере доверия. Участники международного саммита всмотрелись в перспективы развития научной дипломатии. URL: <http://www.poisnews.ru/theme/international/36035/> (дата обращения: 20.05.2018).

⁹ 1 декабря 2016 г. Указом Президента Российской Федерации № 642 утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, которой в том числе предусмотрена поддержка создания и развития уникальных научных установок класса «мегасайенс», крупных исследовательских инфраструктур на территории России, а также участие российских учёных и исследовательских групп в международных проектах, обеспечивающих доступ к новым компетенциям и ресурсам организаций исходя из национальных интересов Российской Федерации. Предложения по созданию проектов класса «мегасайенс» на территории России и присоединения к проектам, реализуемым за рубежом, от организаций и коллективов учёных можно было направлять в Минобрнауки России до конца апреля 2018 г. в соответствии с установленными формами.

¹⁰ Сбор предложений по созданию проектов класса «мегасайенс». URL: http://rsci.ru/grants/grant_news/284/240919.php (дата обращения: 15.04.2018).

¹¹ Мегасайенс-проект в Российской Федерации. URL: <http://nica.jinr.ru/ru/megaproject.php> (дата обращения: 15.04.2018).

выступает доказательством того, что на территории России как минимум с 1956 г. успешно реализуются её ключевые принципы. Членами Института на сегодняшний день являются 18 стран¹², среди которых не только бывшие республики Советского Союза, но и такие страны, как Вьетнам, Куба и Венгрия. Учреждение также имеет соглашения о сотрудничестве с Германией, Египтом, Италией, Сербией и Южно-Африканской Республикой. В соответствии с Уставом оно осуществляет свою деятельность на принципах открытости для всех заинтересованных государств, а также равноправного взаимовыгодного сотрудничества. Статья 4 гласит: «Всей своей деятельностью Институт будет содействовать использованию ядерной энергии только для мирных целей на благо всего человечества»¹³. Это положение Устава выполнялось на протяжении всей деятельности ОИЯИ.

В частности, учёные Дубны регулярно выступали против гонки ядерных вооружений. В 1978 г. они протестовали против намерений правящих кругов США развернуть производство и размещение в Европе нейтронных бомб. Огромную роль в определении будущего социального облика ОИЯИ сыграл советский физик, первый директор и основатель научного центра Михаил Григорьевич Мещеряков. «Вся история Института — свидетельство того, что результат самоотверженных усилий наших народов, коллективного разума наших правительств и учёных — огромное научное и социальное достижение. Подтверждением тому является мировая известность ОИЯИ, фундаментальные открытия учёных Института и их высокая социалистическая гражданственность»¹⁴, — позже скажет он.

ОИЯИ вносит вклад в научную дипломатию с точки зрения подготовки исследовательских кадров высшей квалифика-

ции — президентов национальных академий наук, руководителей крупнейших ядерно-физических центров, институтов и университетов — «Целая когорта замечательных физиков из различных стран внесла весомый вклад в формирование научных направлений Института на разных этапах его развития»¹⁵. Многие из них, вернувшись на родину, возглавили крупные исследовательские программы в своих странах и до сих пор успешно продолжают научную деятельность.

Ещё одним важным достижением ОИЯИ в сфере научной дипломатии стало открытие в мае 2016 г. Визит-центра — современного многофункционального офиса, отвечающего европейским стандартам¹⁶. Он реализует программу стажировок для сотрудников исследовательских организаций стран-участниц ОИЯИ. Визит-центр был создан для того, чтобы высококвалифицированные иностранные специалисты, прибывшие в Институт для участия в экспериментах, конференциях или устроившиеся на постоянную работу, могли в режиме «одного окна» оформить все необходимые документы. Для впервые прибывших сотрудников ОИЯИ организуется программа, которая позволяет подробнее ознакомиться с деятельностью и историей научного учреждения. Эффективность деятельности Визит-центра подтверждается на практике: в 2016 г. в нём прошли стажировку специалисты из Египта, а в 2017 г. ОИЯИ посетили гости из других арабских стран, в частности Туниса и Сирии.

Деятельность Института вносит вклад не только в науку для дипломатии в результате решения учёными из разных стран сложнейших исследовательских задач, но и в упрощение процедурного механизма привлечения зарубежных специалистов в рамках дипломатии для науки. Однако, по

¹² Объединённый институт ядерных исследований. URL: <http://www.jinr.ru/about/> (дата обращения: 15.04.2018).

¹³ Мещеряков М.Г. Идея создания ОИЯИ. URL: <http://museum.jinr.ru/jinr/jinr-history.htm> / (дата обращения: 21.08.2018).

¹⁴ Атом для мира. URL: <http://www.jinr.ru/history/> (дата обращения: 20.07.2018).

¹⁵ Там же (дата обращения: 09.10.2018).

¹⁶ Визит в ОИЯИ. URL: <http://www.jinr.ru/visits/> (дата обращения: 15.04.2018).

мнению подавляющего большинства опрошенных экспертов, это измерение научной дипломатии носит скорее процедурный характер, так как оно связано с помощью дипломатических ведомств в урегулировании технических вопросов, с которыми сталкиваются учёные. «Это пример научной дипломатии, потому что ОИЯИ — это международная организация, которая находится на территории Российской Федерации, но фактически функционирует как мультинациональное образование, где решаются политически очень чувствительные вопросы. ОИЯИ функционирует прежде всего в рамках научной области, то есть прямого отношения к безопасности и к границам не имеет. Но потенциально она может их затрагивать и затрагивает. Вот почему её уверенно можно отнести к сфере научной дипломатии», — прокомментировал А.А. Байков.

На примере этого научного учреждения видно, что дипломатия для науки — это прежде всего вмешательство внешнеполитических ведомств различных стран в решение процедурных вопросов, связанных с получением виз, режимом пребывания в странах для зарубежных учёных и других вопросов. А.В. Шаров приводит в качестве типичного примера дипломатии для науки ряд соглашений, которые Европейский Союз заключил с третьими странами (в том числе с Россией) об облегчении визового режима для исследователей.

Не стоит категорично исключать из определения научной дипломатии её второе измерение из-за того, что оно скорее относится к области международного научно-технического сотрудничества. Дипломатия для науки может сделать многое в плане встреч исследователей на международном уровне с целью обмена знаниями. В то же время она может помочь связать российских представителей с какими-то конкретными зарубежными экспертами, поскольку дипломатические ведомства формируют и корректируют списки ключе-

вых исследователей в различных областях и могут их приглашать на тематические встречи, считает В.А. Аватков.

Ещё одним примером дипломатии для науки, по мнению экспертов, выступает Международный центр научной и технической информации (МЦНТИ), который был основан в Москве в 1969 г. по инициативе руководителей комитетов и министерств по науке и технике Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии и СССР. «...Руководствуясь принципами равноправия, взаимного уважения независимости и суверенитета, невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи, а также интересами дальнейшего расширения и углубления научно-технического сотрудничества, желая обеспечить условия для всемерного ускорения научно-технического прогресса и повышения эффективности научно-исследовательской деятельности в странах, учитывая, что совершенствование научной и технической информации является необходимым условием развития науки и техники...»¹⁷, было принято решение создать межгосударственную организацию, миссия которой — оказание информационной, аналитической, консультационной и организационной поддержки международного сотрудничества в области науки, технологии и бизнеса.

Примечательно, что первоначально основная задача Центра звучала гораздо шире и заключалась в разработке предложений по методам и техническим средствам научно-технической информации для стран-участниц. Разработка должна была основываться на национальных системах, предназначалась для информационного обслуживания организаций договаривающихся сторон и совершенствования сотрудничества национальных систем. «В былые времена, советские, у МЦНТИ был штат около 1000 человек. В ней работали как представители стран-участниц, так и советские граждане. Сейчас эта орга-

¹⁷ Соглашение об учреждении Международного центра научной и технической информации. URL: http://www.icsti.su/portal/regulation/?number=0&lang=_r (дата обращения: 15.04.2018).

низация гораздо меньше: времена изменились. Был период, когда поддерживать её не было возможности, хотя сотрудники продолжали осуществлять свою международную деятельность и в трудные времена. Тем не менее она выжила», — отмечает А.Н. Блинов. Сейчас в штаб-квартире МЦНТИ трудится более 150 специалистов, а многие из бывших его сотрудников с успехом продолжают применять полученный опыт в национальных информационных центрах Болгарии, Венгрии, Германии и других стран-членов и ассоциированных участников Центра.

Общение учёных между собой, налаживание тесных дружественных связей с исследователями из других стран влияют и на развитие науки, и на укрепление дипломатических отношений. Российский научный фонд и Российский фонд фундаментальных исследований способствуют укреплению сотрудничества со своими бывшими соотечественниками. А.В. Шаров полагает, что привлечение зарубежных специалистов, а если точнее, эмигрировавших учёных-соотечественников в качестве экспертов при рассмотрении и реализации грантов тоже может рассматриваться в качестве одного из инструментов научной дипломатии: «Зарубежных коллег не смущает тот факт, что россияне, которые стали у них работать, получают грант на работу с российскими коллегами. Мы удовлетворены этим, потому что такое положение вещей очень облегчает рабочие контакты и текущее взаимодействие. По статистике, пятнадцать процентов всех совместных с Россией французских проектов с той стороны возглавляют наши соотечественники. Аналогичная ситуация с британскими проектами. Взаимодействие в такой форме становится актуальным и для других стран, куда стекаются наши учёные. Это тоже пример того, как можно проводить научную дипломатию — как поддержание связей российской научной диаспоры».

Международные конкурсы, проводимые РФФИ, способствуют налаживанию контактов отечественных специалистов с зарубежными коллегами, что тоже можно

назвать элементом научной дипломатии. Благодаря грантовой поддержке фондов и регулярно организуемым встречам расширяются возможности совершенствования российской науки, доступа исследователей к тем или иным техническим возможностям, которыми Россия не обладает, но которыми владеют другие страны, такие как США и Япония.

* * *

По итогам проведённых интервью можно сделать вывод, что в среде российских исследователей в области социогуманитарных наук отсутствует единое понимание концепта «научная дипломатия». Вместе с тем в оценке соотношения этого понятия с представлениями о научной политике опрошенные сошлись во мнении, что научная дипломатия выступает в качестве средства достижения политических целей. Она призвана конвертировать сотрудничество учёных в канал дипломатического влияния и как следствие элемент мягкой силы, по аналогии с культурной и спортивной дипломатией [Шестопал, Силантьева 2012].

Научная дипломатия воспринимается российскими специалистами, вовлечёнными в процесс её конструирования, как международная активность, направленная на решение задач, которые вытекают из государственной политики. Цели такой деятельности значительно превосходят рамки традиционного научного сотрудничества между учёными и органами власти. В связи с этим ключевыми субъектами научной дипломатии выступают не только исследователи, но и государственные деятели, которые призваны обеспечить благоприятные условия для плодотворного международного сотрудничества и урегулирования конфликтов.

Практики научной дипломатии, рассмотренные в данной статье, были приведены опрошенными экспертами в качестве примеров. Они позволяют сделать вывод, что определяющую роль во взаимодействии учёных и власти на международной арене играют разнообразные научные объедине-

ния: международные исследовательские организации, академии наук и научные фонды. Респонденты в качестве «парадигмальных» для развития научной дипломатии примеров привели такие объединения, как международная межправительственная организация ОИЯИ и Международный центр научной и технической информации. Именно эти учреждения помогают исследователям воздействовать на проводимую научную политику и влиять на укрепление дипломатических отношений между странами за счёт научного взаимодействия, создания коллабораций, обмена опытом и знаниями с зарубежными коллегами в рамках совместных международных проектов.

По мнению опрошенных, выделяемые зарубежными коллегами направления деятельности «наука в дипломатии» и «дипломатия для науки» относятся к сфере международного научно-технического сотрудничества и не должны рассматриваться в контексте научной дипломатии. Эксперты признали, что третье измерение научной дипломатии — наука для дипломатии — обладает наибольшей практической ценностью в контексте взаимодействия учёных и сотрудников внешнеполитических ведомств в рамках международного сотрудничества.

Представителями наиболее образованного слоя общества являются исследователи, приоритет для которых — изучение значимых проблем. Сотрудничество исследователей на международном уровне может быть использовано для достижения внешнеполитических целей в контексте научной дипломатии, чтобы заполнить вакуум в политических отношениях, который в настоящее время можно наблюдать во взаимо-

действии России с западными странами (особенно с США). Развитие сотрудничества на базе университетского образования — логичный шаг, учитывая, что за рубежом фундаментальная наука сосредоточена главным образом в университетах [Коннов, Репина 2015].

В условиях отсутствия политического диалога необходимо поддерживать связи по менее чувствительным и спорным вопросам. И спорт, и образование, и культура, и наука представляют собой удобные каналы для того, чтобы обеспечивать хотя бы на низком уровне динамику сотрудничества. «Это важно для того, чтобы, когда вернётся некое потепление в отношениях, можно было бы использовать этот социальный капитал и людей, которые знают друг друга по разным сторонам границ и могут быть агентами распространения позитивного образа страны. В этом смысле научную дипломатию можно сравнить со спортивной дипломатией, например с пинг-понговой дипломатией, когда США пытались нормализовать отношения с Китаем в начале 1970-х годов. Они использовали спорт для того, чтобы возобновить контакт или установить первые связи, на базе которых потом началось политическое сближение США и Китая. Наука здесь не целью является, а скорее поводом, по которому начинается и поддерживается общение. Общение само по себе ценно», — уверен А.А. Байков.

Изложенные в настоящей статье результаты не отражают представление всего российского научного сообщества о научной дипломатии. Однако они могут служить отправной точкой для дальнейших исследований эффективности практик в отношениях России с другими странами.

Список литературы

- Астафьева Н.М., Раев М.Д. Влияние крупномасштабного удалённого атмосферного окружения на траектории тропических циклонов // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2010. Т. 7. № 1. С. 61–74.
- Байков А.А., Пичков О.Б. Магистерская подготовка в МГИМО: традиции и новаторство // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 136–143.
- Блинов А.Н., Коннов В.И. Национальные научные фонды и финансирование фундаментальной науки // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 6. С. 5–13.

- Блинов А.Н., Талагаева Д.А. Научное сообщество как политический актор: роль международных научных объединений // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2014. № 1 (72). С. 174–183.
- Дежина И.Г. Механизмы государственного финансирования науки в России. М.: ИЭПП, 2006. 130 с.
- Киселёв В., Нечаева Е. Новое измерение научной дипломатии. 15.12.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoy-diplomatii/> (дата обращения: 26.08.2018).
- Коннов В.И., Балышев А.В. Научная политика США: от концепций к практикам // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2012. № 2. С. 5–12.
- Коннов В.И., Репина М.И. Эволюция моделей университетского управления от «studium generale» до «предпринимательского университета» // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 40. С. 35–47.
- Най Дж. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014. 448 с.
- Наумкин В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2009. № 1. С. 9–27.
- Петровский А.Б., Ройзензон Г.В., Тихонов И.П., Балышев А.В. Оценка результативности научных проектов по многим критериям // *Теория и практика системного анализа ТПСА-2010*. 2010. С. 60–69.
- Романова М.Д. Влияние культурного контекста на формирование научной политики (опыт Франции) // *Полис. Политические исследования*. 2015. №5. С. 119–129.
- Романова М.Д. Значимость научной дипломатии растёт // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*. 2018. Т. 97. № 1. С. 78–83.
- Романова М.Д. Научная дипломатия: измерения и практики // *Наука. Инновации. Образование*. 2017. №1 (23). С. 38–52.
- Шестопап А.В., Силантьева М.В. «Мягкая сила» культурных модуляторов современных модернизационных процессов // *Вестник МГИМО-Университета*. 2012. № 6 (27). С. 168–171.
- Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 2. С. 96–105.
- Berkman P.A. Stability and peace in the Arctic Ocean through science diplomacy // *Science & Diplomacy*. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 1–6.
- Haas P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. // *International Organization*. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 23–37.
- Krige J. *American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe*. Cambridge: MIT Press, 2006. 376 p.
- Ruffini P.B. *What Is Science Diplomacy?* // *Science and Diplomacy*. Springer, Cham, 2017. P. 11–26.
- Willis G.B. *Cognitive interviewing*. London: Sage Publications, 2005. 352 p.

INTERPRETATIONS OF SCIENCE DIPLOMACY IN RUSSIAN ACADEMIC COMMUNITY

MARINA KRYNZHINA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The new challenges that Russian diplomats face every day, and the inability to resolve the crisis by traditional means, lead to the need for an urgent search for new methods that would resolve the existing controversial issues between Russia and the Western countries. That is why nowadays the possibilities of science diplomacy and its prospects have become widely discussed in the scientific community. The definition of science diplomacy was developed during the conference “New Horizons of Science

Diplomacy” which took place in June 2009 and was organized by the Royal Society of London in cooperation with the American Association for the Advancement of Science. This definition was the most common among Western researchers and officials. Scientists from Africa, Asia, Europe, the Middle East, and North and South America discussed the new role and prospects of science diplomacy in the modern world. According to the concept proposed by the two largest scientific organizations of Great Britain and the United States which was published in the report on the results of the conference, science diplomacy includes three dimensions: “science in diplomacy”; “diplomacy for science”; “science for diplomacy”. It is to this definition that both foreign and domestic experts refer and operate. Despite the fact that the term “science diplomacy” appears in the Russian Strategy for Scientific and Technological Development 2016 and is often used in the media in the publications devoted to the prospects of science diplomacy, Russian scientists and diplomats have still no clear views and consensus on what exactly includes or should include this concept, what are the goals and means of science diplomacy, what distinguishes science diplomacy from international scientific and technical cooperation and foreign policy, and how to implement science diplomacy techniques in practice.

The article presents the results of a series of semi-structured interviews with Russian experts involved at the administrative level in organizing international cooperation in the field of science, and therefore involved in the process of designing science diplomacy. Respondents, including experts from the scientific foundations of the RSF and RFBR, responsible for international cooperation, employees of diplomatic educational institutions of MGIMO and the Diplomatic Academy, as well as the specialists in international relations who are directly involved in the realization of diplomatic goals of Russia, gave their definition of “science diplomacy” and also analyzed the tasks, methods and expediency of identifying three dimensions of science diplomacy by Western researchers. Interviews were built around the definition of science diplomacy tools, evaluating the effectiveness of their use and differences from scientific policy techniques, and therefore the most interesting for this study were questions relating to specific examples and practices that characterize each dimension of science diplomacy. Based on the analysis of interview results and respondents' answers, the author comes to the conclusion that the third dimension of science diplomacy – “science for diplomacy” – has the greatest practical value for Russian experts in the context of the influence and interaction of scientists and diplomats within the framework of international cooperation.

Keywords:

science diplomacy; science policy; S&TS; scientific foundations.

References

- Astaf'eva N. M., Raev M. D. (2010). Vliyaniye krupnomasshtabnogo udalennogo atmosfernogo okruzheniya na traektorii tropicheskikh tsiklonov [Influence of a large-scale remote atmospheric environment on the trajectory of tropical cyclones]. *Sovremennyye problemy distantsionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa*. Vol. 7. No. 1. P. 61–74.
- Baykov A.A., Pichkov O.B. (2016). Magisterskaya podgotovka v MGIMO: tradicii i novatorstvo [Master's Training in MGIMO: Traditions and Innovation // Higher Education in Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 4. P. 136–143.
- Berkman P.A. (2014). Stability and peace in the Arctic Ocean through science diplomacy. *Science & Diplomacy*. Vol. 3. No. 2. P. 1–6.
- Blinov A.N., Konnov V.I. (2017). Natsional'nye nauchnye fondy i finansirovaniye fundamental'noy nauki [National scientific foundations and funding of fundamental science] // *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 6. P. 5–13.
- Blinov A.N., Talagaeva D.A. (2014). Nauchnoe soobshchestvo kak politicheskij aktor: rol' mezhdunarodnykh nauchnykh ob'edinenij [The scientific community as a political actor: the role of international scientific associations]. *Politika: Analiz. Hronika. Prognoz*. No. 1 (72). P. 174–183.
- Dezhina I.G. (2006). *Mehanizmy gosudarstvennogo finansirovaniya nauki v Rossii* [Mechanisms of the governmental funding of the science in Russia] Moscow: IJePP. 130 p.
- Haas P. (1992). Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. Vol. 46. No. 1. P. 23–37.
- Yudin N. V. (2015). Sistemnoe prochtenie fenomena mjagkoj sily [Systemic reading of the phenomenon of soft power]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 2. P. 96–105.
- Kiselev V., Nechaeva E. (2017). *Novoe izmerenie nauchnoj diplomatii* [New dimension of science diplomacy]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-izmerenie-nauchnoy-diplomatii/> (accessed: 26.08.2018).

- Konnov V.I., Balyshev A.V. (2012). Nauchnaya politika SShA: ot koncepcij k praktikam [Science policy in USA: from concept to practice]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 2. P. 5–12.
- Konnov V.I., Repina M.I. (2015). Jevoljucija modelej universitetskogo upravljenja ot "studium generale" do "predprinimatel'skogo universiteta" [Evolution of university management models from "studium generale" to "entrepreneurial university"]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 40. P. 35–47.
- Krige J. (2006). *American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe*. Cambridge: MIT Press, 2006. 376 p.
- Naj Dzh. (2014). *Budushhee vlasti: kak strategija umnoj sily menjaet XXI vek* [The future of power: how strategy of smart power changes XXI century]. Moscow: AST, 448 p.
- Naumkin V.V. (2009). Islamizm, jetnichnost' i konflikty: o roli simvolicheskoy politiki [Islamism, ethnicity and conflicts: the role of symbolic politics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Vol. 1. P. 9–27.
- Petrovskij A.B., Rojzenzon G.V., Tihonov I.P., Balyshev A.V. (2010). Otsenka rezul'tativnosti nauchnyh proektov po mnogim kriterijam [Assessment of the effectiveness of scientific projects on many criteria.]. *Teoriya i praktika sistemnogo analiza TPSA-2010*. P. 60–69.
- Romanova M.D. (2015). Vliyanie kul'turnogo konteksta na formirovanie nauchnoj politiki (opyt Frantsii) [Influence of cultural context on the structure of science policy (the case of France)] // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 119–129.
- Romanova M.D. (2017). Nauchnaya diplomatiya: izmereniya i praktiki [Science diplomacy: the dimensions and practicies]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. No.1 (23). P. 38–52.
- Romanova M.D. (2018). Znachimost' nauchnoj diplomatii rastet [The role of science diplomacy is growing]. *Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nykh issledovanij*. Vol. 97. No. 1. P. 78–83.
- Ruffini P.B. (2017). *Science Diplomacy as a National Issue*. Science and Diplomacy. Springer, Cham, 2017. P. 27–45.
- Shestopal A.V., Silant'eva M.V. (2012). "Mjagkaja sila" kul'turnyh modulyatorov sovremennykh modernizacionnykh protsessov [Soft power of cultural models of contemporary modernization processes]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 6 (27). P. 168–171.
- Willis G.B. (2005). *Cognitive interviewing*. London: Sage Publications. 352 p.